

В. Н. ИЛЬИН

Империя и культура. Чудо Ломоносова

Реформа Петра Великого означала прежде всего выход Московской Руси из состояния саморазлагающейся замкнутости на широкие мировые пути имперского универсализма. К моменту прихода Петра к власти положение Московии и великорусского племени было в полном смысле отчаянным: перед нею действительно разверзлась «бездна»: иного средства кроме «железной узды» для поднятия «на дыбы» падавшего великана — не было. Мы не говорим уже о крайне неудачной внешней политике, о целом ряде проигранных войн, о дворцовых интригах, об угрожающем оскудении казны и кровавых буйствах уголовной ватаги стрельцов, учинявших свои пагубные бесчинства под предлогом защиты «старой веры», — самым страшным было духовное оскудение, разложение и опустошение — тоже в облики всевозможных «исконностей» — «церковных» и «национальных». Однако эти «исконности» были не в лучшем положении, чем все прочее. Подтянутый в свое время Никоном клир опять стал разлагаться, являя ужасающую картину бытового внутрицерковного междоусобия, а национальная идея свелась к обозванию всех иностранцев «немцами» и к лжефилософии вокруг этого тупого словечка. Смысл его означал, что всякий, не говорящий на великорусском наречии, был «нем» — лишь в силу глухоты москвитов ко всему тому, что находилось за пределами их племени и территории — т. е. ко всему миру и прежде всего к своим западным соседям, к Европе. Иначе можно было бы сказать, что пребывая в состоянии интегрального расизма, «святая Русь» решительно ничем не интересовалась помимо того, что менее всего заслуживает интереса — своего домашнего варева и его мелких, хотя и жестоких дрызг. Бояре одиночки, знавшие очарование западной культуры, и вообще все западничество до Петра, производили впечатление снобических курьезов и здесь, как и всюду, исключения подтверждали правило. Сатира Котошихина* была вполне оправдана.

* *Котошихин Григорий Карпович* (ок. 1630–1667) — чиновник российского Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем в Швецию, где по заказу шведского правительства составил сочинение о России в царствование Алексея Михайловича.

Но вот пришла животворная петровская гроза; под ее ударами начала, по настоящему и всерьез, распадаться «китайская стена», и в образовавшиеся трещины и «окна», вместе с порывами свежего «морского» воздуха, хлынул тот свет возрождения и универсализма, в котором жила Европа. В области культуры и творчества это означало всеобъемлющую полноту кругозора. Произошло великое и в известном смысле соблазнительное чудо: мало или вовсе ничем не интересовавшиеся «москвиты», подчиняясь насилию сверху, превратились в заинтересовавшихся раскрывшейся вселенской перспективой «россиян». Можно сказать, что вместе с первым Императором, на Руси вообще впервые появился «интерес» и он то и превратил «Русь» в «Россию». Стало радостно жить — Монарх-Преобразователь дал первый толчок, раздвинувший до бесконечности эти пределы радостнотворного всечеловеческого интереса. Радость жизни в знании и действии — вот лозунг Петра. Это была вместе с тем и наука подлинного смирения: как много есть такого, чего мы не знаем, не делаем, и как отрадно все это узнать и сделать. «Азъ бо есмь в чину учимых и учащих мя требую»*. Эти слова высочайшего «сократического» смирения должны были звучать скандално в ушах заскоружлых московских книжников, убежденных почти «по-марксистски», — что им все «душеспасительное» известно, а прочее — от лукавого. Но как раз самодовольное «ортодоксальное» сознание обладания полнотой истины сопровождается величайшей и злокачественной гордыней; Московская Русь в полной мере была заражена этим смиреннолуквствием, отзвуки которого докатились и до нашего времени, когда многие невежды и дикари из лагеря якобы «Святой Руси» мнят себя всезнающими и обличают еретиков.

Этого рода надменным смиренникам Петр крикнул: «...вы должны знать, что вы ничего не знаете», — и отдал их насильно в учебу, а нежелающих духовно расширяться послал в ряды императорской армии расширять пределы Державы, скоро явившей миру образы еще невиданного универсализма, безграничного разнообразия интересов. (О темных сторонах Петра и Империи мы поговорим особо.)

Сам Петр, хотя с жадностью внимал Европе, учился у нее, чему только мог, все же силой обстоятельств должен был сосредоточить свою любознательность на области главным образом прикладных знаний особого рода и публицистики, оправдывавшей и толковавшей «правду воли монаршей»; но в результате его внутренних и внешних побед раскрылись возможности и перспективы чистого незаинтересованного знания, «теории» в высшем смысле слова, возможности подлинного искусства с классическими традициями.

* Эта надпись была выгравирована на печати Петра Великого.

Война — экзамен наций и правителей: Петр Великий и созданная им «молодая Россия» блестяще выдержали этот экзамен как на берегах Балтийского моря, так и на полях Украины. Но это было знаком того, что Русь стала первоклассной европейской державой в сфере военно-прикладной и технической; оставалось еще войти в область чистой теории и подлинного искусства большого стиля. Это второе чудо свершил Ломоносов — своеобразный двойник и духовное дополнение Петра Великого.

Михайло Ломоносов гениальный поэт и естествоиспытатель есть неоспоримое подтверждение того, что дело Петра было народным и демократическим в лучшем и глубинном смысле слова — так что оно привело к возвышению и прославлению народа, возглавляемого победителем Карла XII. Народные недра ответили на мощный зов Преобразователя и ответ этот был «равносилен зову». Какое великолепное и прекрасное подтверждение учения о тварной свободе утвердительно отвечающей на зов сверху творческим актом самосозидания великой личности. Полно также и глубокого символизма, что не лес и степь ответили на повелительный творческий призыв Преобразователя, но те самые берега Студеного моря, которые еще при Грозном увидели мачты Ченслера*. Лес и степь противились, как могли, Империи и, в конце концов, подорвали ее, разрушили и сгноили. Но берега холодных северных морей стали свидетелем основания «Рима под полярным кругом» и чудесной и прекрасной столицы, воспитавшей поэтический гений Пушкина и трагическое ясновидение Достоевского, музыку Бородина, Римского-Корсакого и Мусоргского — с присоединением целой плеяды естествоиспытателей, филологов и юристов. И не постепенно, не путем медленной эволюции, но сразу вспыхнула звезда Северной Пальмиры — ибо Ломоносов в единственном лице явил действительно целую академию. Явление Ломоносова есть как бы воплощенный смысл и плод реформы Петра, которая в действительности есть великий, могучий и трагический творческий порыв. «Уловитель умов», во многом опередивший чуть ли не на два столетия современную ему науку, был «помощником целей» в деле духовно-творческого оформления Империи. Другой имперский гений — Пушкин — так отзывался на чудо «Архангельского Мужика».

Невод рыбака расстилал по берегу студеного моря,
Отрок отцу помогал. Отрок, оставь рыбака,
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы,
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.**

* *Ричард Ченслер* — английский мореплаватель, положивший начало торговым отношениям России и Англии; был принят Иваном Грозным и оставил записки о Московском государстве. Студеное море — древнерусское название Северного Ледовитого океана.

** Стихотворение А. С. Пушкина «Отрок» (1830).

Особенно поражает и подавляет в Ломоносове сочетание первобытной нетронутой стихийной силы со всеми достижениями современной ему культуры в сфере как естественнонаучной, так и гуманитарной. Никакого надрыва и надлома при этом не произошло — Ломоносов мог писать письмо к Эйлеру на хорошем латинском языке, мог сочинять по всем правилам науки о стихосложении великолепное «Вечернее размышление о Божием величии» и вместе с тем оставаться свежим, полным сил грубоватым «рыбаком», непосредственно выражавшим свои чувства, мысли и настроения. Лабораторный ученый и утонченный поэт как будто только что покинул свой «чукар» (рыболовное судно), и от него словно еще отдает свежим, сочным запахом моря и крепким духом смоляного каната. Какое величественное опровержение обскурантско-ретроградных измышлений Л. Толстого и Ж. Ж. Руссо — с их последователями — ничего не давших ни науке, ни искусству!

Ломоносов выражает духовное здоровье молодой империи и непреклонную ее жестоковыйную крепость, волю к жизни и бытию. Михайло Ломоносов ни в какой степени не «интеллигент» — в нем нет надлома, надрыва, отрыва, пустого рассуждательства, а жестоко ошибаются лица, вроде П. Н. Милюкова, усматривающие в «вольномыслии» создателя первой русской химической лаборатории какой-то шаг в направлении к своему безбожию и материализму. Такого рода перенесение здорового и энергичного свободолюбия первого академика в душную среду современного раболепия есть просто скверный анахронизм.

Надо понять «свободомыслие» Ломоносова из его универсализма и продолжавшейся им борьбы за дело Петра — и тогда выяснится, что это «свободомыслие» есть не мирозерцание, но метод — метод вполне оправданный, особенно ввиду глухой стены ханжества и невежества опиравшихся друг о друга и игравших по отношению к Петру и Ломоносову роль революционную, вопреки ссылкам на «исконность» и «заветы».

Родившийся в начале XVIII века (вероятно, в 1711 г.), умерший в 1765 году, Ломоносов есть наследник универсализма столь богатого гениями и сложного XVII века, гениальный рыбак скорее смотрит в сторону Декарта и Ньютона, чем Вольтера. Универсализм и христианский гуманизм XVII века являются поздними отзвуками средневековья, плодами, возросшими на его почве целостного мировоззрения, в котором часто естественнонаучный элемент входит органически в общую концепцию. Выдуманный «умными гимназистами», лже-миф об элементарности, о разрыве и войне между средневековьем и гуманизмом пора бросить. Процесс этот был в высшей степени сложный, и можно с полной уверенностью сказать, что естественнонаучный и гуманитарный ренессанс целостной универсаль-

ной личности вполне подготовлен европейским средневековьем и коренится в нем.

Конечно, каждая эпоха имеет лицо — и век Декарта, Ньютона, Паскаля и Мальбранша имеет особенно характерные черты. Удивительное состояние философии, математики, математического естествознания и богословия дают своеобразный лик интеллектуальной целостности и всеохватывающего универсализма. Лейбниц — давший Петру Великому идею «Де Съянс Академи» коренится скорее в XVII веке, чем в XVIII. Духовная родина Ломоносова должна быть отнесена туда же. Открыв для России европейский гуманизм и универсализм, создав ее этими лучшими проявлениями европейского духа, Петр как бы произвел и урегулировал поляризацию русского духа. Мы этим хотим сказать, что, получив самое главное в одном из своих полюсов — крещение светом Христовым от св. Владимира, Русь не знала духовно-культурного пути, пройденного как западной, так и восточной Римскими империями. Петр Великий и Ломоносов являются необходимыми дополнениями дела св. Владимира, которое в условиях националистической самозамкнутости Московской Руси грозило утратить черты вселенскости. Какое бы возмущение ни вызывали наши слова, мы настаиваем на том, что дело Петра Великого и Ломоносова является положительной поляризацией дела св. Владимира, его благотворным восполнением.

О конкретных чертах литературной и научной деятельности Ломоносова придется поговорить особо.

Явление гения, будучи ответом творческой свободы на зов свыше, логически не объяснимо, но сам гений премудр; он имеет незримую генеалогию, через которую коренится в первобытии; такая «родословная гения» не только не нарушает его свободы и не профанирует тайны его появления, но чудесным образом гармонирует со свободой и с тайной, ибо коренится в мистерии избрания гением своих духовных путей, своих водителей и пестунов, так сказать «старцев», вне которых вообще не может созреть духовное дарование. Поэтому проблема гения всегда связана с историософией, с философией культуры.

Здоровый биологизм Ломоносова, его крестьянство и рыбарство, его таинственная связь с морскими просторами, его рожденность полярным морем есть культурно-географический символ великой Северной Империи. Но духовная родословная первого российского академика, как мы уже говорили, восходит к дивному XVII веку и некоторым течениям средневекового и возрожденского универсализма. Державин, столь родственный Ломоносову в поэзии, тоже обращен — особенно в гениальнейшей оде «Бог» — к XVII веку и через него к готике, к средневековью. Математика, математическое естествознание, радость далее, раскрывшихся с переворотом Коперника, необходимо связано с особым чувством бесконечности

и полноты Божества, примиряющего все противоположности с интенсивнейшим переживанием стройности и красоты мироздания в творениях Николая Кузанского, Кеплера, Ньютона. Трагедия, созданная великими французами, богословствующая философия Паскаля и Мальбранша, связана все с теми же переживаниями широты и бесконечных просторов, обращавшихся иногда леденящим ужасом, например, у Паскаля. Поэтому можно сказать, что хотя научно-технические методы и стиль академической работы Ломоносов заимствовал в Германии, где он проходил свою учебу, но духовно он погружен в англо-французский XVII век. Россия вообще пережила свой XVIII век в смысле дурного просвещения лишь в середине XIX века. Шестидесятый и семидесятый годы подготовили обе революции — 1905 и 1917 года совершенно также, как Ла Меттр, Гольбах, Гельвеций и др. подготовили 1789 год.

Ломоносов же совершенно таким образом обусловлен крепостью империи Петра Великого, как Декарт и Паскаль величием королевства Людовика XIV — «Короля Солнца».

Не только Империя способствует творчеству гения, посредственно или непосредственно стимулируя его, но сама Империя, вернее ее образование, есть великое творчество, «порыв в неизвестное», за грани уже достигнутого. Варяги, своими походами положившие основы Англии и России (Вильгельм Завоеватель и Рюрик), Колумб, с его неслыханной храбростью пустившийся в безвестный и безбрежный океан на жалких скорлупках, в обществе отчаянных головорезов и каторжан, походы Фернандеса Кортеса и Франциска Пиззаро, дерзкие войны Людовика XIV и, наконец, война Петра Великого с достойнейшим соперником Карлом XII и основание Петербурга — все это результаты творческой экспансии и неудержимого стремления насильственным путем «вырвать у зачарованной Фортуны ее клад». Роль золота при этом не имеет ничего общего с буржуазно-мещанским скопидомством. Даже когда император скуп на свои «ефимки» и «червонцы» — эта скупость есть то же, что всемерное сбережение живой силы своего войска хорошим полководцем: холодная расчетливая голова — необходимый спутник творчества — только сердцу разрешается романтический порыв и созидаящая мечта.

В апогее творческого имперского порыва, в итоге его творческого расчета — всеобщий пир, разгул, размах жизни, в том числе наук и искусств. Ломоносов, склонившийся в своей лаборатории над ретортой, и Ломоносов, кутящий и даже дерущийся, — это полная мера имперской жизни. Петр Великий был буйным кутилой — и его «бесчинства» были символом пира, увенчавшего созданную им Державу. Русскую Империю нельзя себе представить без «широкого размаха жизни» и «цыганского табора», и богатырский образ Бородина, сочетавшего на закате Империи ученые изыскания и «поло-

вещские пляски» — как бы творческое повторение пирующего и де-рущегося Ломоносова, открывающего закон сохранения вещества.

Через жизненный расцвет в Империи и около Империи выясняется положительный смысл существования авантюры, которую до сих пор, согласно моралистическому интеллигентскому шаблону, принято считать чуть ли не преступлением. Ведь социализм и революция в России мыслятся главным образом как обуздание творческой авантюры и сообщения всему серого, однообразного оттенка. Вся жизнь Ломоносова есть в известном смысле роман с приключениями, непрерывная цепь авантур. Вообще столь интересные биографии в России собственно только начинаются с Петра Великого и Ломоносова.

Необычайная внешняя судьба Ломоносова вполне соответствует богатству его творческой личности.

Принято считать под влиянием дешевого уличного позитивизма, что естественнонаучным трудам Ломоносова мешали его занятия литературой, причем на эти последние будто бы его вынуждал обычай придворной лести и обязательные заказы высоких сфер и вельмож. Все эти немошные выдумки жалких прогрессистов объясняются тем, что сами они в своей бездарности, конечно, не могут постигнуть имперского универсализма Первого Российского Академика, всеобъемлющий творческий гений которого прорывался во все доступные ему области. К этому надо прибавить, что религиозность Ломоносова, игравшая в его поэзии основную роль, была вполне искренней: она являлась интегральной и интегрирующей стороной его мощного духа — она-то и вызвала его одновременно как на художественное творчество, так и на построение научных гипотез. Великолепное высокое волнение и духовный подъем «Вечернего размышления о Божием величестве» — может служить примером того, что воспламеняющая души мысль о Творце Вседержителе есть огненный стимул универсализма и всестороннего творчества. Идея Творца есть самое прекрасное, что дано созерцать человеческому духу; эта софийская идея есть та Афродита Небесная, без которой нет творчества в какой бы то ни было области.

После возвращения в 1741 году на родину из-за границы, где проведены были бурные годы странствования, полные приключений, Ломоносов работает над различными проблемами естествознания и особенно над приложением математики к химии. Одновременно с этим он пишет ряд од, среди которых надо отметить оду на победу русских войск над шведами и на возвращение императрицы Елизаветы в Петербург. Около этого времени он начинает необычайно упорные хлопоты по устройству первой в России химической лаборатории, — хлопоты, в конце концов увенчавшиеся успехом, несмотря на все противодействия и интриги. Даже в 1742 по 1747 им написаны «Реторика» и ряд интереснейших работ по физической

химии, которую он, собственно говоря, и основал. В 1746 году вышло высочайшее повеление о постройке химической лаборатории, а в 1748 году это повеление было исполнено; здесь, кстати, необходимо отметить, что многие научные термины, без которых сейчас не обходится и рядовой обыватель, впервые введены в русский обиход Ломоносовым. Сюда относятся такие слова, как, например, градус, термометр, атмосфера и др. Основатель первой химической лаборатории был вместе с тем и основателем нашей естественнонаучной (главным образом физико-химической) терминологии. Помимо чисто теоретических работ в этой лаборатории производились Ломоносовым и опыты по изготовлению цветных стекол для мозаики, и в 1752 году им сделан из этих стекол образ Нерукотворного Спаса. Бесконечно трогает и потрясает эта добровольная молитвенно-благодарственная дань «давшему разум».

Следующими художественно-мозаичными работами Ломоносова были портреты Петра Великого, которых он изготовил несколько; около этого времени было написано стихотворение «Письмо о пользе стекла», а в 1754 году Ломоносов построил стеклянный завод для выделки цветных стекол. В 1755 написана и в 1757 напечатана в высшей степени удачная «Российская грамматика», в которой Ломоносов обнаружил, по отзыву известного академика Я. К. Грота, «удивительное понимание начал языкознания»*. Грамматика выдержала 14 изданий и переведена на иностранные языки.

Работа по изготовлению цветных мозаичных стекол сопровождалась, как и можно было догадаться, чисто теоретическими изысканиями в области оптики и теории цветов. Превращение «меры и веса» в химии, т. е. применение точного метода в этой науке, привело к открытию закона сохранения вещества. Переворот, совершение которого приписывают Лавуазье, в действительности произведен Ломоносовым за 17 лет до открытия Лавуазье, знаменитого француза.

Еще задолго до открытия закона сохранения вещества в ряде физико-химических работ он пришел к положениям, которые можно и должно назвать законом сохранения энергии.

По достоинству оценил эти труды, кажется, один только Эйлер (сохранилось письмо к нему Ломоносова на латинском языке, где он излагает открытый им закон сохранения вещества**). Прочие представители ученого мира — немцы и русские, занятые не столько делом, сколько интригами и кумовством, старались только затирать и топить великого ученого; это не всегда им сходило с рук, ибо гениальный академик имел так же, как и Петр Великий, крепкие мускулы, которые он и пускал в ход, истощив предварительно запас науч-

* Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 54.

** Речь идет о письме М. В. Ломоносова Л. Эйлеру от 5 июля 1748 г.

ных доводов. Впрочем, с интриганами вполне естественно говорить языком крепких речений и заушений: гением интриганов не проймешь. Вообще же говоря, Ломоносов опередил свое время в некоторых областях знания лет на 150, и не удивительно, что он не был понят современниками, смотревшими на его, например, кинетическую теорию газов и волнообразную теорию света как на чудачество и «ересь». Масса гениальнейших трудов осталась в набросках — никакой даже самой длительной, спокойной и хорошо обставленной жизни не хватило бы для осуществления всего того, что таил в себе этот гигантский творческий дух. А ведь жизнь Ломоносова была и не особенно длительна, и чрезвычайно неспокойна: его буквально съедали гнусные козни пигмеев-врагов.

Начиная с 1757 года появляются его геологические труды, где он предвосхищает современную теорию земных слоев и геологических формаций, теорию ныне связанную с именем Лайеля и возникшую лишь в XIX веке. В 1761 году он окончил грандиозную мозаичную картину «Полтавская баталия»; в этот же период его жизни была написана поэма «Петр Великий» (сатира на обскурантов и невежд), а также появились исторические труды «Краткий Российский Летописец» и первая часть «Древней Российской Истории». К этому же времени относится докладная записка гр. И. Шувалову «О размножении и сохранении российского народа» (1761 г.) — образчик первоклассной ученой публицистики, местами исполненной блестящего остроумия. Смерть застала Ломоносова в разгаре его трудов, измученный интригами, переутомленный, со здоровьем, подорванным эксцессами, он продолжал неустанно работать, и умер в буквальном смысле этого слова «на посту» (в 1765 г.).

Чтобы до конца понять этот полный чувства собственного достоинства и сознания своей миссии мощный дух, надо вдуматься в одно из его писем к гр. Шувалову, где мы находим, между прочим, слова, весьма характерные для нового человека, созданного ширью и мощью Империи: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но у Самого Господа Бога, Который дал мне смысл, пока разве отнимет». Для человека Московской Руси такое настроение было немыслимо — его и не было. Империя лишь одна могла создать чувство собственного достоинства и самосознание ценности творческой личности. Такое сознание есть основа культуры. Бог замыслил человека не в качестве «смиренолукавого» интригана или «безликого дурака» — но свободной, могучей, дерзающей личностью. Новая Империя по мере того, как осуществляла этот идеал, — творила подлинно христианское дело: она раскрывала Божию Правду о человеке, призванном к творчеству и власти над стихиями.

